

Василий Вонлярлярский

Воспоминания о Захаре Иваныче

Василий Вонлярлярский

Воспоминания о Захаре Ивановиче

Вонлярлярский В. А.

Воспоминания о Захаре Иваныче / В. А. Вонлярлярский —
«Public Domain»,

Василий Александрович Вонлярлярский (1814–1852) – популярный русский прозаик середины XIX века. Зарубежные впечатления писателя лежат в основе рассказа «Воспоминание о Захаре Иваныче». Рассказ впервые опубликован в журнале «Современник» в 1851 году (№ 6). Произведение подверглось довольно серьезному вмешательству цензуры. Наибольшие претензии вызвали эпизоды с участием принадлежащего Захару Иванычу крепостного, называемого им Трушкой. Даже самая эта кличка была последовательно заменена в печатном тексте на нейтральное «Трифон».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Василий Вонлярлярский

Воспоминание о Захаре Иваныче

(Рассказ путешественника)

26 июля 1846 года, осмотрев кульмское поле сражения¹, сидел я у решетки русского монумента² в ожидании дилижанса, долженствовавшего проехать из Теплица³ в Дрезден. Дилижанс не замедлил; на вопрос мой: «Есть ли свободное место?» – кондуктор отвечал утвердительно и отворил карету: в ней сидело уже пять пассажиров, я занял шестое, и последнее, место между двумя немцами, сидевшими спиною к лошадям.

День склонялся к вечеру, солнце не грело, но жгло; атмосфера в дилижансе нашем сгустилась до того, что дышать было трудно.

Окинув взглядом спутников моих, я поражен был наружностью двух из них; оба сидели против меня у самых дверей, обоим было лет по пятидесяти и в обоих было по десяти пудов весу; красные, опухшие лица их изображали нетерпение, страдание и досаду. Немец, сидевший между ними, курил из фарфоровой студенческой трубки, и каждый раз, когда облако табачного дыма проходило мимо носа толстяка, сидевшего с правой стороны, глаза его закрывались, а самое лицо уходило в широкий желтый галстук, как голова черепахи уходит в свою скорлупу. Наконец нетерпение толстого господина дошло до высшей степени, и, повернув голову круто влево, он обратился мимо немца к толстяку, сидевшему с левой стороны, с следующим вопросом: «Min Herr lange gefart in Dresd?»⁴ – «Nicht verstehe»,⁵ – отвечал тот. Вопросивший господин подумал и перевел вопрос на французский язык, но вопрос свой облек он и на этом наречии в такую же форму непонятности; когда же толстяк левой стороны отвечал знаками, что он и этого языка не понимает, – «Ну, побери же тебя нелегкая!» – воскликнул с досадою на чистом русском языке толстый господин, сидевший справа.

При этом возгласе глаза того, к кому приветствие это обращалось, заблестали радостью. «Как? – спросил он, – вы русский?»; и оба господина обнялись с восторгом.

Когда первое изъяснение радости миновало, господин правой стороны начал длинный рассказ своего несчастного путешествия, из которого я узнал, что назывался он Захаром Иванычем, что, пристроив последнюю дочь, выехал из России бог знает для чего, что почел за священную обязанность, путешествуя, не пропускать ни одного достопамятного места, не ознакомившись с примечательностями, вследствие чего без всякой надобности взял в Теплице несколько горячих ванн, от которых и приключился ему удар, и что наконец, предвидя неудобство сидеть шестерым в дилижансе, он взял для себя одного два места, но одно из них оказалось в другой карете.

Повествование заключилось кучею сильных и резких выражений. Слушая Захара Иваныча, я не мог удержать улыбки, которую он заметил и нахмурил брови. Я поспешил успокоить почтенного земляка и стал говорить с ним по-русски. Восторг Захара Иваныча чуть не причинил ему второго удара: так громко, так искренно обрадовался он, что нашел в душной и узкой карете двух русских.

---

¹ ...кульмское поле сражения... – Кульм (ныне Хлумец, Чехия) – деревня в Чехии, входившей в описываемое время в состав Австрийской империи. 17–18 (29–30) августа 1813 г. русские войска, прикрывавшие под командованием А. И. Остермана-Толстого отступление после Дрезденского сражения армии антинаполеоновской коалиции, разбили здесь преследовавших их французов.

² *Русский монумент* – «за древнею Кульмом, подле самой проезжей дороги, великолепный монумент Русский, воздвигнутый на том месте, на котором был ранен граф Остерман-Толстой» («Греч А. Н.» Русский путеводитель за границу. СПб., 1846, с. 137).

³ *Теплиц* – курортный город в Чехии; славился своими целебными горячими источниками.

⁴ Давно ли милостивый государь приехал в Дрезден? (искаж. нем.)

⁵ Не понимаю (искаж. нем.).

На половине дороги кондуктор объявил, что дилижанс не отправится в путь ближе полу-часа, и потому мы успеем выпить кофе; Захар Иваныч предпочел ужин, заказал его, а сам отправился купаться. За чашкою кофе я познакомился с другим земляком моим, не уступавшим в досужестве Захару Иванычу, но не походившим на него ничем другим. Он ехал в Брюссель, где ожидали его жена и дочь.

Ужин, заказанный Захаром Иванычем, был аккуратнее его и поспел к сроку, в то время как сам Захар Иваныч долго еще должен был служить прелюбопытным зрелищем для жителей того местечка, в котором мы остановились. Проезжая мимо пруда (кондуктор не оказал ни малейшей готовности ждать нашего спутника), увидели мы, что Захар Иваныч лежал доскою на поверхности воды, нисколько, по-видимому, не заботясь ни об ужине, ни о новом знакомстве своим.

Утром следующего дня прибыли мы благополучно в Дрезден и остановились в гостинице Гайдукова⁶.

Дрезден – первый иностранный город, который обращает на себя особенное внимание русских путешественников, выезжающих из России сухим путем. Многие из них, пробыв в Дрездене трое суток, верно уже успели познакомиться с Цвингером⁷, Фингльером⁸, Террасою⁹, Японским дворцом¹⁰, Королевским садом¹¹ и, верно, побывали мимоходом в картинной галерее, в Грюнговельбе¹², в Музее¹³, слезили на крышу лютеранской церкви Богоматери и накупили кучу всякой дряни, а главное, по случаю дешевизны всего, издержали гораздо более, чем предполагали, и устали до смерти.

В первый проезд мой чрез Дрезден я не только прошел полный курс печатного путевого-дителя, но прошел и Саксонскую Швейцарию¹⁴, а что всего хуже – познакомился с тремя лучшими врачами.

Теперь я в третий раз приехал в Дрезден. Сделавшись опытнее, разумеется, не звал я врачей, не лазил на крыши, а, выбрав комнату самую удобную, расположился отдохнуть в ожидании обеда. Сон мой был прерван появлением хозяина гостиницы; пухлое лицо его было орошено слезами, а желудок вином; он был, по-видимому, более пьян, чем несчастлив.

– Что вам нужно? – спросил я у Гайдукова.

– Я погибший человек! – отвечал Гайдуков, и слезы потекли за галстук.

– Но что же с вами случилось?

– Разорен и гибну без возврата!

– Жаль! но отчего же гибнете вы без возврата? – спросил я, вставая с постели.

Гайдуков сообщил мне печальную историю своих несчастий, которой не могу не рассказать: так забавны показались мне эти несчастия.

---

⁶ Гайдуков – реально существовавшее лицо. Вот что пишет о нем М. Н. Похвиснев, оказавшийся в Дрездене в 1847 году: «Этот Гайдуков великий плут и пройдоха. Он был крепостной человек и метрдотель г. Барышникова. Вероятно, бежал от него, скопил деньжонок, подбил к какой-то немке, которая ссудила деньгами, и открыл в Дрездене великолепную отель. Говорят, однако, что он затеял дело не по силам, запутался и близок к разорению» (Щукинский сборник, вып. 9. М., 1910, с. 426). Эти сведения близки к сообщаемому Вонлярлярским – лишнее доказательство того, что в основе «Воспоминания о Захаре Иваныче» лежат реальные впечатления.

⁷ Цвингер – знаменитый дворцовый ансамбль начала XVIII в.

⁸ Фингльер (Финдляртер) – расположенный на берегу Эльбы сад лорда Финдляртера.

⁹ Терраса – терраса Бриля (Брюля).

¹⁰ Японский дворец – памятник архитектуры XVIII в.; здесь хранились богатые коллекции монет, фарфора и т. д.

¹¹ Королевский сад – «с великолепным дворцом и прекрасными статуями» (Греч Н. И., Путевые письма из Англии, Германии и Франции, ч. 2. СПб., 1839, с. 246).

¹² Грюнговельбе («Зеленая кладовая») – помещавшееся в Цвингере собрание сокровищ и редкостей.

¹³ Музей – находящийся в Цвингере исторический музей.

¹⁴ Саксонская Швейцария – северное предгорье Рудных гор в Саксонии (ныне территория ГДР).

Счастливейшая эпоха жизни его прошла на родине пред кухонным очагом. Лет десять назад Гайдуков поехал с бариним своим за границу; барин его там умер, Гайдуков остался один. С той минуты начались несчастья, которые так усердно оплакивал хозяин великолепной гостиницы, что на Соборной площади в Дрездене.

Несчастный Гайдуков имел несчастье понравиться двадцатилетней девушке, немке прекрасной нравственности, дочери честных, богатых родителей и хорошенькой собою, которая согласилась выйти за него замуж. За женитьбой последовал случай купить в кредит и за сходную цену один из лучших домов в городе. Гайдуков, сделавшись гражданином дрезденским, очень скоро научился говорить по-немецки. За несчастным переходом из поваров во владельцы последовало новое несчастье: купцы дрезденские предложили Гайдукову меблировать дом его в кредит, снабдили серебром и бронзою, и пустой дом Гайдукова превратился в роскошную гостиницу. Хозяин с горя предался пьянству, игре и буйству; выгнав жену на улицу, несчастный Гайдуков в течение десяти лет пользовался доходами гостиницы, не платя кредиторам своим ни гроша. Он заключил плачевную историю своих несчастий просьбою ссудить ему пятьдесят тысяч талеров.

Эта просьба, как я узнал, была его привычкою и обращалась ко всем русским без исключения.

Поохотав от души над несчастьями Гайдукова и выгнав его из комнаты, я заснул на несколько часов, а пообедав, отправился на террасу Бриля.

Терраса Бриля – любимое место гулянья дрезденских жителей; с четырех часов пополудни ежедневно собирается на ней множество гуляющих. Посредственный хор музыки играет в воксале¹⁵ до полуночи. За вход платят грош; кружка пива, четверть порции кофе, кусок дыни – продаются по грошу. Расчетливость германская изобрела способ угощаться за сходнейшую цену, и нередко в течение целого вечера простоит перед немцем гигантский стакан воды, на дно которого опускают кусок сахара. Дамы приносят в воксал чулки и тому подобные предметы рукоделия.

В этот вечер многочисленная дрезденская публика была привлечена в воксал новым, совершенно новым предметом. Прибывший из Лейпцига артист играл с неслыханным в Дрездене чувством на инструменте, составленном из небольших колокольчиков. Рукоплесканиям, звону и похвалам не было конца.

Не принимая ни малейшего участия в общем восторге, я преспокойно расположился у окна, обращенного на Эльбу, и предался размышлениям, от которых оторван был неожиданным происшествием.

Я вдруг почувствовал, что две сильные руки схватили меня сзади за шею и так сдавили ее, что при всем желании крикнуть я крикнуть не мог. Не испуг, но удивление овладело умом моим; я был убежден, что в воксале при тысяче свидетелей никто не мог покуситься на жизнь мою, но, не имея ни в знакомстве, ни в родстве никого, кто бы стал обращаться со мной подобным образом, я терялся в догадках.

Объяснилось, что руки, меня давившие, принадлежали Захару Иванычу; привез он их в Дрезден в вечернем тепличком дилижансе. Захар Иваныч был так забавно наивен, что сердиться на него недостало у меня духу. Он проголодался и спросил две порции кофе, ему принесли четыре кофейника, столько же чашек и молочников, он принялся за кофе, а немцы принялись смотреть на земляка моего с удивлением.

Когда же третий кофейник перешел в желудок Захара Иваныча, он приостановился, ударил себя по широкому лбу и начал думать.

– Что с вами? – спросил я с беспокойством: мне показалось, что с ним удар.

---

¹⁵ Воксал – общественное здание с залом для танцев и концертов.

– Позвольте! позвольте! я что-то хотел сказать вам и забыл, – отвечал Захар Иваныч. – Да, вот что!

И земляк расхохотался во все горло.

– Но что же такое?

– Умора, ей-богу, умора, что за народ эти саксонцы... Ба! да ведь я вам еще не рассказал, как я доехал до Дрездена!

– Расскажите, пожалуйста.

– Вот видите ли, почтеннейший, – продолжал земляк, сливая в свой стакан все, что осталось в четвертом кофейнике и в четвертом молочнике, – правду вам сказать, когда мы приехали на ту станцию, где я заказал ужин... ну, помните, ту, на которой мы расстались... я и сообразил, что в карете тесненько, а спешить не для чего, сверх того, мой товарищ, наш брат русский... не знаете ли его?

– Кого?

– Степана Степаныча Выдрова, что живет в Крестцах: прекрасный человек, обстоятельный... скупенек, правда, ну да провал его возьми!

– Не знаю, Захар Иваныч.

– Я познакомлю вас; человек он, знаете, гнилой, и боли в Теплице; «Оставь, – говорит, – Трушку, я привезу тебе его в Дрезден, в вечернем дилижансе, что отходит в четыре часа». – «Эй, привезешь ли?» – «Привезу, – говорит, – честное слово». Вот я, сударь мой, не говоря никому ни слова, и пойди купаться, и вижу, едет ваш дилижанс, Думаю себе, пусть едет на здоровье, а я как выкупаюсь, да поужинаю, да отдохну часок и дожусь второй кареты, то и приеду в Дрезден, не торопясь; так и случилось.

– Но вы, если не ошибаюсь, хотели рассказать еще что-то? – спросил я.

– Да, да! (Захар Иваныч снова покатился со смеху.) Вообразите, почтеннейший, мы вылезли из кареты, остановились в одной гостинице с вами; ну! я умылся, оделся; какой-то болван исцарапал мне всю рожу: видно, здесь и брить-то не умеют; я и выхожу на крыльцо, только вышел, а какой-то господин прекрасно одетый и шасть мне под ноги. «Что, мол, тебе, братец, нужно?» Он по-немецки. Что ты будешь делать! Я за Гайдуковым. Гайдуков и объясняет мне, что господин, сиречь лон-лакей¹⁶, показывает все городские редкости. Ну знаете, в первый раз в городе – как не посмотреть! я и возьми его.

– Понимал ли же по крайней мере ваш лон-лакей по-русски?

– Ни словечка: да оно бы, вот видите, ничего! уж коли редкость, подумал я, так постоит сама за себя; на кой прах тут язык? Хоть бы взять, например, картину, колонну какую-нибудь,obelisk или что другое: покажет пальцем, ну приврет там, что ни на есть по-своему, и смотришь. Нет-с, посадил меня насильно в фургон, да и изволит везти за город; гляжу – вывозит совсем-таки вон. Уже и огороды позади, и сады позади... глядь – и картофельные поля под боком; я его за воротник: «Постой, – говорю, – кто знает, что у тебя на уме, а я дальше не поеду»; он – туда-сюда. «Нет, – кричу кучеру, – хераус!»¹⁷ – а сам машу: назад, назад!» – вернулись; что же вы думаете, какую редкость хотел мне показать этот молодец, а?

– Не могилу ли Моро¹⁸? – спросил я.

– Что-о? да разве это интересно?

– Смотря по человеку, Захар Иваныч; для меня так очень интересно.

– Эге, ге, ге! значит, дурак-то я, а не он, – проговорил сквозь зубы и почесывая свою лысую голову бедный Захар Иваныч.

---

¹⁶ *Лон-лакей* – слуга, провожатый, нанимаемый приехавшим куда-либо путешественником.

¹⁷ выпусти (искаж. нем.).

¹⁸ *Моро* Жан Виктор (1761–1813) – талантливый французский полководец, ставший злейшим врагом Наполеона и приглашенный на русскую службу; смертельно ранен в Дрезденском, а не Лейпцигском, как указывает герой Вонлярлярского, сражении.

Он видимо смутился.

Мне стало жаль земляка, и, желая успокоить его, я приписал всю вину лон-лакею, который, имея постоянно дело с иностранцами, должен был бы непременно знать несколько наречий; впрочем, виноват ли был Захар Иваныч в том, что языки не дались ему?

– Все так, ну, да! не понял, не догадался, ну – положим! – воскликнул с досадою Захар Иваныч. – В сущности же, почтеннейший, – продолжал он, – большая мне нужда до их могил, да осмотреть их и жизни не хватит... Муро, Мюра, велика важность?

– Но Моро был нашим генералом и убит в Лейпцигском сражении.

– Нашим? – повторил Захар Иваныч, – странно! никогда не слыхал: ну, дай бог ему царство небесное.

– А знаете ли, – продолжал он, после некоторого молчания, – право, досадно становится, когда подумаешь, что прожил я пятьдесят лет неучем; ведь держали же и в наше время немцев, французов разных, и куда дешево были они тогда¹⁹. Помнится, после разорения²⁰, пошлют зачем ни на есть в Москву, – соседи и просят матушку, нельзя ли, мол, захватить подводам, как назад поедут порожняком, учителя или двух, или сколько б там ни понадобилось; лучшеньких покойница рассылала по родным, а что пожиже, то соседям. Верите ли, вся дворня, даже мальчишки говорили по-французски. Что ж бы, кажется, стоило мне научиться²¹! не тут-то было – только и норовишь, бывало, как бы выжить мусью из дому; а вот пришла нужда, хватился, да поздно. Я, правду сказать, перед выездом из России и припас немецкие разговоры с словарем²² и всякими прочими затеями; выдумка неглупая – немецкие слова написать по-русски: была бы память, а выучиться нетрудно; я таки, признаться, в первое время и налег на них крепко.

– Зачем же вы не продолжали, Захар Иваныч, если вам казалось это так легко?

– А вот отчего, почтеннейший, что книжка-то придумана и хорошо, да сделана глупо; заучил я первые три страницы и знаю, что небо – химмель, звезды – штерне, отец – фатер, а дядя – охейм; дело только в том, когда же придется говорить об этих вещах, а положим, и придется, так не привяжешь же их веревкой ко всему тому, что говорится прежде и после; сверх того, не забудьте, что, ежели, упаси господи, забудешь пересыпать немецкие слова полдюжиной *дер* да полдюжиной *дас*, то, пожалуй, выйдет совсем другое; нет, батюшка, чуть ли не умней будет книгой-то завернуть что-нибудь, а с немцами объясняться чем бог послал.

Слушая земляка, я не мог удержаться от улыбки, а Захар Иваныч не заметил ее, потому что сам не переставал хохотать во все горло. Видя, что он кончил свой кофе, я встал.

– Куда вы отсюда? – спросил земляк.

– И сам не знаю, – отвечал я.

– А не знаете, так пройдемтесь по набережной, и цухаус!²³

Мы расплатились и вышли из воксала.

Вечер был очаровательный; у наших ног дремала Эльба, вдали на пурпуровом небе отделялись черным силуэтом вершины башен и крыш нового города. Вдоль всей набережной суетился народ; в этот час обыкновенно возвращались в Дрезден пароходы. Земляк, идя со мной рядом, насвистывал префальшиво «Травушку», отчего становилось и смешно и грустно.

Захар Иваныч объявил мне, между прочим, что нумер, им, занятый, рядом с моим.

¹⁹ ...и куда дешево были они тогда. – В рукописи Захар Иваныч высказывается энергичнее: «... и куда дешева была эта дрянь тогда» (ГАСО, ф.1313, оп.2, ед. хр.5, л.8об.).

²⁰ ...после разорения... – т. е. после ухода наполеоновских войск из России в 1812 г.

²¹ «Что ж бы, кажется, стоило мне научиться...» – В рукописи фраза продолжалась: «...этим проклятым языкам» (ГАСО, ф.1313, оп.2, ед. хр.5, л.8 об.-9).

²² Немецкие разговоры с словарем... – обычное в то время название разговорника (ср., напр.: Новые немецкие и российские разговоры для начинающих. СПб., 1830; Ланген Я. Новейшие немецкие и российские разговоры. СПб., 1831).

²³ домой! (искаж. нем.)

Был час одиннадцатый вечера, когда мы возвратились домой. Проходя по длинным коридорам гостиницы, земляк вдруг остановился у одной двери и стал в нее стучать.

– Спишь ли ты? – спросил он чрез замочную скважину.

– Ах! это вы, – отвечал чей-то пискливый голос, – я в постели, а спать не сплю, войдите.

– А не спит, так войдемте, я познакомлю вас, – сказал, обращаясь ко мне, земляк.

– Да кто же тут живет?

– Выдров – тот самый, про которого я говорил вам... Ну, что тут церемониться? войдемте!

– В другое время, а теперь поздно, Захар Иванович.

Пожелав соседу покойной ночи, я пошел к себе в комнату.

Написав несколько писем и отпустив горничную – прехорошенькую и пресвеженькую немочку, я разделся, лег в постель и заснул крепким сном.

Не знаю, в котором часу, но гораздо за полночь, сон мой прерван был шумом отворившейся двери в комнате Захара Ивановича.

– Кто там? – прохрипел знакомый голос соседа.

– Я, батюшка! – отвечал кто-то жалобным тоном.

– Трушка, ты, что ли?

– Да, сударь.

– За каким прахом?

– Да гонят вон из коридора.

– Кто гонит?

– Коридорная мамзель, сударь; спать, говорит, не позволяется в коридоре.

– Черт тебя возьми! За делом пришел; ну куда я тебя дену, дурака?

– Воля милости вашей: разве здесь прилечь где-нибудь.

– Ну подстели себе что-нибудь и ложись на полу; да смотри подальше, дурачина, – сказал Захар Иванович, и все умолкло.

Не прошло и получаса времени как разговор в соседней комнате возобновился.

– Трушка! Трушка, каналья! – завопил тем же хриплым голосом сосед.

– Чего-с?

– Не «чего-с», а убирайся вон.

– Батюшка! Куда же мне?

– И знать не хочу, убирайся.

И Захар Иванович украсил приглашение свое тысячами различных дополнений, которых передать нет никакой возможности.

– Попроситься разве в пустую комнату, что против лестницы? – пробормотал Трушка.

– Хоть на крышу ложись, а чтобы паху твоего здесь не было; вон!

И слышно было, как несчастный Трушка, подобрав что-то с полу, медленно вышел в коридор, осторожно притворив за собою дверь.

– Экая бестия! Экая нечисть! – ворчал сам про себя сосед, беспрерывно плюя на пол, поворачиваясь на постели.

За бранью последовало молчание, за молчанием – храп, и такой храп, о котором в Дрездене, конечно, не имели до приезда Захара Ивановича никакого понятия.

На следующее утро²⁴, осмотрев еще раз картинную галерею, я пошел прогуляться по городу. На торговой площади встретил я старинного знакомого, Александра-Фридриха-Франца Зельфера, который с визгом только что не бросился ко мне на шею. Алек-

---

²⁴ На следующее утро... – В этом месте в рукописи находился пространный (несколько страниц) эпизод, исключенный самим автором (вероятно, для освобождения от излишних длиннот). В нем описывались шутки дрезденских остряков над художницей-иностранкой, снимавшей в галерее копию с «Сикстинской мадонны» Рафаэля (ГАСО, ф.1313, оп.2, ед. хр.5, л.11 об.-14).

сандр-Фридрих-Франц Зельфер был сорокапятiletний младенец, с пухленькими щечками, с воротничком и в белой бумажной шляпе, покрытой какою-то непромокаемою эссенциею. Отец его, суконный торговец, обращался с детищем своим с невероятною в наш век нежностью, – гонял его за маленькие шалости, укладывал спать не позже десяти часов и нянчился с ним как с грудным ребенком. Юный Зельфер, несмотря на зрелость своего возраста, не имел никакого понятия о многих вещах, не курил ничего и даже не пил пива. Знакомством моим с Зельфером обязан я был страсти, которую питал он ко всем русским. Зельфер понимал наш язык и пресмешно на нем выражался; удовлетворив расспросам Александра-Фридриха Зельфера, я пригласил его обедать со мной.

В пятом часу пополудни мы вошли в общую столовую гостиницы Гайдукова; в ней собралось уже множество посетителей, между которыми заседал и Захар Иванович, тотчас же представивший мне приятеля своего Степана Степаныча Выдрова, тоненького и желтенького человека.

Степан Степаныч был тип неприятных людей, как по наружности своей, так и по всему прочему. Судьба, по-видимому, удовольствовалась наделить его полным числом необходимых органов, нимало не позаботясь об отделке каждой части порознь. Глаза даны были Степану Степанычу, вероятно, для того, чтобы он не разбил себе носа; нос же для нюхательного табаку, в который, как я узнал впоследствии, Степан Степаныч клал гераниум и подмешивал немалое количество поташу, и, наконец, самое прозвание Выдрова носил Степан Степаныч, конечно, по сходству волос своих с шерстью животного, от имени которого произошло это прозвание. Я бы мог прибавить несколько слов о рте, зубных корнях (потому что зубов у него не было) и об ушах Степана Степаныча, но это было бы нескромно, потому что рот, сжимаясь, скрывал свои недостатки, а уши были заткнуты морским канатом и ватой. За стол посадил нас Захар Иванович рядом и спросил шампанского, от которого отказались и Зельфер, и я.

Гайдуков, обращавший все свое внимание на русских, подходил беспрестанно то к одному, то к другому с вопросами: хорошо ли вино, хорош ли повар и ловко ли нам сидеть? И каждый раз, вместо ответа, Захар Иванович крепко жал ему руку, и благодарил его за всех.

В начале обеда Выдров успел расспросить у меня, откуда я родом, где служил, какого чина, отчего вышел в отставку и сколько у меня душ крестьян и в каких именно губерниях, – а к концу обеда сам рассказал, но не про чин и не про службу, а о причине поездки своей за границу; причина же состояла в железе, образовавшейся, по его словам, в шейных мышцах, треснувшей в запрошлую осень и застуженной в крещенские морозы прошедшей зимою.

Степан Степаныч начинал уже снимать свой галстух, чтобы показать мне железу, но Захар Иванович взял его поспешно за руки и удержал, оправдывая при том насилие свое весьма основательными доводами.

Я позавидовал немцам, не понимавшим нашего языка, и поспешно вышел из-за стола. Зельфер хотел было сделать то же: он силился встать – и встать не мог; пытался сказать мне что-то – и сказать не мог. Оказалось, что во время нашего разговора с Выдровым Захар Иванович убедил Александра-Фридриха-Франца Зельфера выпить два стакана шампанского, вследствие чего Александр-Фридрих-Франц Зельфер сделался пьян.

Гайдуков с помощью двух слуг вывел Зельфера на улицу, посадил на извозчика и отправил к папеньке, а я ушел из столовой, заперся в своей комнате и на громкий зов Захара Ивановича отвечал красноречивым молчанием.

В тот вечер давали «Волшебного стрелка», и я отправился в театр. Кто не слышал этого дивного произведения бессмертного Вебера²⁵ в Дрездене, тот не может вполне оценить гениального таланта маэстро; сам Вебер поставил эту оперу на дрезденской сцене, он передал душу

---

²⁵ Вебер Карл Мария фон (1786–1826), немецкий композитор, дирижер. С 1817 года до конца жизни был дирижером и руководителем дрезденского оперного театра, где поставил свою оперу «Волшебный стрелок» (написана в 1820 г.).

свою артистам, и до сих пор душа его как бы парит над головами избранных и вдохновенных талантов, первенство между которыми, по всей справедливости, принадлежит Тихачеку²⁶.

Во время самого представления ни одного звука, ни одного возгласа не раздавалось в партере, и только по окончании некоторых арий восторженное «браво!» произносилось вполголоса, и снова тишина водворялась повсюду.

По выходе из оперы я перешел площадь, погулял по Террасе, полюбовался на Эльбу, наелся мороженого, намечтался досыта и возвратился в гостиницу.

Проходя мимо столовой, я увидел Захара Иваныча, игравшего со Степаном Степанычем в преферанс; кругом стояло несколько трактирных слуг, а рядом с толстым земляком моим сидел Гайдуков; по красным белкам его нетрудно было догадаться, что несчастный содержатель гостиницы имел и в этот вечер, как во все прочие, несчастье напиться.

– Здорово, почтеннейший! – воскликнул Захар Иваныч, протягивая мне обе руки.

– Везет ли вам счастье? – спросил я у соседа.

– Какое счастье! – отвечал он. – Смотрите, что этот вампир написал на меня! – прибавил земляк, указывая на Выдрова, который действительно должен был походить на это фантастическое существо.

– Что за счастье, что за счастье! – проговорил шепеляя Степан Степаныч. – Это ли называют счастьем у добрых людей?

– Мало небось! ненасытный ты этакой! – перебил Захар Иваныч, – добро бы раз или два, а то что сядешь с ним, то и развязывай кошель, и прах его знает, как он это делает, чтобы сдавать себе такие игры, от которых не отвертишься, никаким образом, просто способу нет! сами взгляните! ну как не купить? шесть взяток на руках, ну, куплю.

---

²⁶ Тихачек Иозеф (1807–1886) – знаменитый чешский тенор; с 1839 года ведущий солист Придворной оперы в Дрездене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.